

ВЫ ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ—

Владимир МСРЯН:

«КОГДА Я СПАЛ, МНЕ СНИЛСЯ ПАГАНИНИ»

Недавно большой интерес у зрителей вызвал телевизионный художественный фильм «Никколо Паганини». Главную роль замечательно сыграл артист Владимир Мсрян.

Я впервые встретила с ним на телеэкране и очень хотела бы узнать что-то о нем, о его творческом пути.

ТАМБОВ.

А. ЛАЗУКИНА.

Реальный облик Никколо Паганини донес до нас дагерротип. Даже черно-белое застывшее изображение скрипача ошеломляет. О нем писали книги, создавали были и легенды.

И вот новая, на сей раз телевизионная версия жизни и личности великого мастера — четырехсерийный фильм «Никколо Паганини», снятый режиссером Л. Менакером по сценарию О. Стукалова-Погодина. Исполнитель главной роли Владимир Мсрян был до этого момента неизвестен многомиллионной аудитории телезрителей. И дабы не породить легенды, предоставим слово ему самому.

— Я из семьи профессиональных артистов, — рассказывает Владимир Мсрян. — Родители мои заслуженные артисты республики, их хорошо знают кирово-восточные театралы. Наверное, в моей судьбе сработал закон яблока. Оно счастливо упало к основанию яблони.

— Но падают плоды зрелые, а как зрело ваше желание идти на сцену?

— По закону ньютонова яблока, — улыбается он. — Театр вошел в меня неожиданно, незаметно и теперь уже навсегда. В школе я тяготел к дисциплинам точным, любил физику. Судьба распорядилась, как видите, иначе.

— Неужели только счастливая случайность?

— Нет, конечно. Со сценой меня сватала литература. В девятом классе кирово-восточной школы ее у нас вела замечательная учительница Инна Лукинична Кузнецова. На школьных вечерах читал Пушкина, Есенина, Маяковского. Потом поставили «На дне» Горького, выезжали на гастроли в ближайший села Лермонтово, Калинин. Понравилось. Сцена целиком захватила меня, и я поступил в Ереванский художественно-театральный институт. Учился у выдающегося армянского режиссера Армена Гулакяна.

Кстати, у него же прошел театральную школу Армен Джигарханян. Потом Ереванский тюз, Русский театр имени Станиславского. Последнее 15 лет я в Ереванском драматическом театре, привязался крепко. Между прочим, моя сестра тоже артистка этого театра. На третьем курсе театрального учился мой сын, о сцене мечтает дочь. Это третье поколение нашей театральной семьи. Ничего не скажешь, профессия стала фамильной.

— Что привлекло в вас авторов ленты?

— Не знаю. Может, то, что глаза грустные, — он улыбается краешком губ. — Режиссер сказал, что именно из-за этого он взял меня на роль.

— На протяжении столетий ходят легенды о загадке Паганини — и вдруг сыграть его роль?

— Загадка? Но загадка имеет один-единственный правильный ответ. Может быть, тайна? Паганини в искусстве — личность без берегов, неохватная, многомерная и многозначная. Естественно, возможно множество прочтений. А я все время думал вот о чем: смычок Никколо Паганини дарил божественные звуки, но что значит божественные? Человеку некому подражать в природе. Он превышает всего. Творец.

— И божественная музыка была подслушана на земле?

— Конечно же! Поэтому мы сознательно лепили образ, в котором преобладали бы существенная и до конца убеждающая черта человеческой личности — вполне земная человечность. Кажется, простая мысль, но я постигал ее почти целый год, отгонял от себя все то, что роли не касалось. А когда спал, мне снился Паганини.

— Вы говорите о поисках психологического нерва характера Паганини, но ведь он был и великим музыкантом, прежде всего музыкантом.

— Вот именно! А великого скрипача вдруг играет че-

ловек, который никогда в жизни музыкой специально не занимался, просто ее очень любит. Мне хочу опровергнуться, но любопытно, что один из первых фильмов о Паганини был немой. Как передать магию звуков скрипача-чародея? Режиссер немого кино предоставил это воображению зрителя и, наверное, был по-своему прав. Л. Менакер, как вы знаете, решил эту проблему иначе, передав музыкальное «слово» итальянского мастера Леониду Когану. И встреча с ним как раз помогла мне понять, прочувствовать человечность моего героя. Вы не представляете, с какой жадностью я всматривался в этого необыкновенного музыканта и человека. В его движения, жесты, походку, вслушивался в его тихий, еле слышимый голос. Мне, актеру, надо было передать музыку не через имитацию, а своими сугубо актерскими средствами — пластикой рук, тела, душевно целиком проникнуться музыкой.

Помню, когда режиссер спросил Когана, а не сделать ли мне для большего внешнего сходства с Паганини горбинку на носу, Коган сказал: «Нет, горбинка у него должна быть тут», — и он выразительно постучал по груди. Я тогда заинтересовался, что он испытывал в Гелуе, когда впервые взял в руки прославленный «гварнери» Паганини? «Гордость за человеческий гений и чудо. Какой-то необыкновенный прилив вдохновения, словно магия искусства Паганини передается и мне», — ответил скрипач.

И я, исполнитель драматической партии, должен был хотя бы отчасти почувствовать эту магию его искусства. Постоянно возил с собой кассеты с записями музыки Паганини... и нашего Комитаса. Почему Комитаса? Его музыка как бы дополняла и обогащала мое представление об образе музыканта. А однажды даже выручила. Помните сцену в храме? Барельефы, полу-

мрак. Прочувствовать эту сцену мне помог Комитас. Я слушал его музыку, вспоминая историю моего народа. А сцена сыгралась как бы сама собой.

— И все же создать единый образ из двух ипостасей невероятно сложно. Наверное, был какой-то особенно трудный момент?

— Пожалуй, это эпизод концерта, где лопаются струны, надрезанные врагами Паганини. Снимали меня крупным планом. Руки тоже. Перед настоящим оркестром. Правда, все делалось под фонограмму. Одна репетиция, вторая, третья. А я никак не могу совладать с собой, нарушаю синхронность. К делу подключается мой репетитор по скрипке, но и он терпит фиаско. Очень уж напряженный момент. Удивительно, но с фонограммой разошелся даже оркестр, и дирижер был в отчаянии. Что делать? Тогда я пошел на риск и попросил режиссера с ходу начать съемки. Прозвучала команда: «Мотор!», съемка началась. И я «заиграл» на скрипке. В этот миг я забыл уроки моего репетитора, забыл, как держать скрипку, забыл, где нахожусь и кто я, весь поглощенный только музыкой. Очнулся, услышав аплодисменты оркестра после первого же дубля...

...С Владимиром Мсряном мы беседуем в фойе театра. Только что кончилась репетиция «Игрока» Достоевского, где он занят в заглавной роли. А за плечами заслуженного артиста Армянской ССР В. Мсряна много ролей в кино и на сцене. За исполнение роли Митридата в спектакле «Зов богов» П. Зейтунцяна он удостоен Государственной премии республики. Любимые его роли — Гамлет, дядя Ваня, мечтает он о Сирано и Макбете.

Плавное течение разговора он изредка нарушает горячими всплесками и жесткими ляпидией. Руки лежат на пакете писем. Они отовсюду, буквально со всех концов страны. Приглашают в Сибирь; музыкальная чета описывает свои впечатления от картины; а это от студентов-физиков — лиричный монолог об искусстве актера. Вот тетрадные листы, заполненные нервными буквами. От женщины. Очень личное. Просит совета, как ей поступить в острой жизненной ситуации.

По-разному начинаются и по-разному кончаются эти письма, но вступлении, будто авторы сговорились, почти одно. «Дорогой Паганини!»

И. ВЕРДИАН,
В. ШАХНАЗАРЯН.

ЕРЕВАН.